

ВОЛЯ КАК ПРОДУКТ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

© 2012 г. В. А. Иванников*, В. Н. Шляпников**

* Доктор психологических наук, профессор, факультет психологии
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва;
e-mail: vaiv@mail.ru

** Кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей психологии и психологии развития
ГОУ ВПО МО “Академия социального управления”, Москва;
e-mail: corona0mundi@mail.ru

Исследовали социогенез волевой регуляции как высшей психической функции. Основная задача работы – описание основных социокультурных средств волевой регуляции, закономерностей их трансформации в ходе исторического развития человечества и их роли в жизни современного человека. В качестве социокультурных средств волевой регуляции были рассмотрены магические и религиозные практики, одна из функций которых состоит в изменении смысла действия и придания ему дополнительного побуждения. Показано, что трансформации социокультурных средств волевой регуляции подчиняются общим закономерностям развития высших психических функций. В современном мире социокультурные средства волевой регуляции сохраняют свои функции, но их роль ограничивается регуляцией деятельности отдельных индивидов.

Ключевые слова: волевая регуляция, высшие психические функции, социогенез, гомеопатическая магия, табу, мантические практики.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ВОЛИ

Проблема воли имеет фундаментальное значение для современной психологии, так как связана с пониманием психологических механизмов специфически человеческих форм активности, источником которых выступает сам человек с его индивидуальными ценностными установками и морально-нравственными представлениями [7, 14].

Однако в современной психологии понятие “воля” не входит в число значимых и часто используемых категорий. Разброс различных мнений о воле, иногда противоречащих друг другу, создаёт большие трудности в использовании этого понятия. Тем не менее можно очертить область исследования, которую все авторы связывают с проблемой воли: это понятие используется для объяснения механизмов целенаправленного поведения человека, включающих в себя выбор между различными целями и принятие решения, инициацию действий и управление ими (самодетерминация), регуляцию действий и различных психических процессов (саморегуляция) [41, 42].

В европейской культуре понятие “воля” впервые использовали античные философы, чтобы объяснить порождение поведения человека (любого – Платон; особого, когда разум принимает решение действовать, но действие лишено стремления, порождающего его, – Аристотель) [3]. Оно вводилось как объяснительный теоретический конструкт (концепт) (как и атом, ген, флогистон и т.д.).

При всём многообразии представлений о волевой регуляции, разработанных в рамках традиционного подхода, можно сформулировать три главных принципа, лежащих в его основании. Как правило, они не постулируются авторами открыто, но содержатся в их концепциях имплицитно, на уровне неосознаваемых научных установок, задавая общее направление научного дискурса по проблеме воли.

Первый принцип состоит в признании воли как особой способности (части) души, или, как мы сейчас сказали бы, особой психической реальности, аналогичной другим психическим процессам (восприятию, мышлению, памяти). При этом в зависимости от философской ориентации исследователей природа воли понималась по-разному.

В различных концепциях она либо формировалась прижизненно, либо имела божественное или природное происхождение как врожденная способность души [1, 3, 12, 32]. В последнем случае появляется вопрос о природных корнях воли и механизмах волевого поведения и волевой регуляции животных [25]. Но если воля – это самостоятельный психический процесс, то он должен иметь и свой особый результат, который пока ещё не описан. Отсюда – многочисленные попытки свести волю к другим психическим процессам.

Второй принцип традиционного подхода состоит в том, что *воля* рассматривается в контексте *проблемы самодетерминации или порождения действия, которое обусловлено* не наличными, актуальными, ситуативными факторами, а сознательными *представлениями субъекта*. В отличие от желаний, связанных с аффективной стороной души, воля рассматривается как побуждение к рациональному действию, т.е. действию в соответствии с решением, принятым разумной стороной души [3, 12].

И наконец, третий принцип данного подхода состоит в понимании *воли как реально существующего самостоятельного “органа”, объясняющего способность души действовать по своему собственному решению*. “Волевой орган” обладает специфическим ограниченным по объёму ресурсом (силой воли), который расходуется при волевом усилии и восстанавливается во время отдыха. Некоторые исследователи полагают, что объём волевого ресурса, подобно скелетной мышце, может быть увеличен в ходе специальных упражнений, но достоверных доказательств до настоящего времени не получено [36].

Таким образом, традиционный подход рассматривает *волю как самостоятельное психическое образование, которое является источником внутренней активности человека и порождает действия, основанные на решении, принятом разумом*. Некоторые зарубежные авторы для описания понятия воли также используют метафору “гомункулюса”, “подкожного субъекта”, который находится в голове человека и, подобно кукловоду, управляет его действиями изнутри [41].

В последние десятилетия проявилась тенденция рассматривать волю не как особый психический процесс, а как обобщенное понятие, обозначающее произвольный характер активности человека, или более узко – как произвольное управление деятельностью. Но если воля и произвольность – это одно и то же, тогда зачем употреблять два понятия? А если они не совпадают, то необходимо указать критерий их различий.

Иное представление о воле было сформулировано Л.С. Выготским в рамках культурно-исторической психологии и получило свое дальнейшее развитие в работах Л.И. Божович и её коллег, а затем в русле деятельностного подхода. Отличительной особенностью культурно-исторического подхода к проблеме воли является стремление исследователей максимально точно отразить свою методологическую позицию, тогда как для зарубежной психологии в основном характерно сосуществование множества частных моделей волевой регуляции, опирающихся на различные методологические основания. На отсутствие единой методологической позиции и общепсихологической теории воли в западной психологии не раз указывали как отечественные, так и зарубежные авторы [14, 31, 41, 42].

Следует отметить, что в рамках традиционного подхода воля принималась как аксиома, как исходное условие человеческого существования [27]. В рамках культурно-исторической психологии проблема воли понимается как теорема, нуждающаяся в доказательстве. Л.С. Выготский задается вопросом о причинах развития произвольной и волевой регуляции, о возможности и необходимости выбора человеком способов поведения.

Л.С. Выготский обращается к *понятию “воля”* в контексте не проблемы порождения действия, а более широкой *проблемы овладения человеком самим собой*. Иными словами, для Л.С. Выготского воля, в первую очередь, есть одна из стадий овладения человеком собственным поведением и психическими процессами с помощью различных социокультурных средств, стадией развития произвольного управления и регуляции поведения. При такой постановке проблемы воли позиция Аристотеля становится частным случаем проблемы овладения собой, что сохраняет преемственность в решении вопроса о содержании понятия “воля”. Поскольку воля вводилась как теоретический конструкт, то от него надо либо избавляться (как избавились от понятия “флогистон”), либо менять его содержание в соответствии с успехами науки в понимании тех реальностей, для объяснения которых и вводилось это понятие (как сложилось с понятиями “ген”, “атом”).

В рамках культурно-исторической психологии *воля* понимается как *высшая психическая функция, которая формируется прижизненно* в результате усвоения культурно-исторического опыта в процессе взаимодействия ребенка и взрослого [10]. Это означает, что воля имеет *социальную конструктивную природу*, она не дается человеку изначально от рождения, но формируется на про-

тяжении всей жизни в процессе решения реальных жизненных задач, которые вначале перед человеком ставит общество, а затем он сам. Можно сказать, что человек сам формирует волю в процессе своего социального бытия-в-мире.

При любом понимании воли возникает вопрос о ее соотношении с произвольностью. В истории понятие “произвольность” вводилось как активность, идущая от воли. Но уже давно она понимается как противоположность понятию “непроизвольность”. В истории психологии сложилось четыре варианта отношения понятий “воля” и “произвольность”: совпадение двух понятий (и соответственно процессов) по содержанию; произвольность как часть понятия “воля” (или первая стадия развития воли); воля как часть произвольности (соответственно, как одна из форм произвольного управления и регуляции); несовпадение содержания понятий “воля” и “произвольность” (два разных процесса). Произвольность поведения появляется там, где есть необходимость выбора: направления поисковой деятельности, обхода препятствия слева или справа, способа решения поведенческой задачи. Такая произвольность должна быть и у человека, и у животных.

Но мы знаем, что человек способен выбирать свои ценности и действовать в соответствии с ними, может выбирать и осуществлять действия, противоречащие переживаемой им потребности, и этот выбор отличается от выбора обхода препятствия или даже способа поведения (что присуще и животным). Это позволяет сформулировать предложение различать в произвольном управлении и регуляции две формы (или два способа): произвольную и волевую. При этом надо исходить из необходимости различения произвольных процессов у человека и животных. В отличие от животных человек как субъект произвольной регуляции использует для овладения собственным поведением и его регуляции социокультурные средства, в том числе знаки.

Мы полагаем, что критерий, позволяющий различать волевую и произвольную регуляцию, следует искать в особенностях трудовой деятельности человека и его взаимоотношениях с окружающим миром. *Необходимость в волевой регуляции обусловлена орудийностью, продуктивным и коллективным (совместным) характером трудовой деятельности*, которая подчиняется целям, представленным в идеальной форме и непосредственно не связанным с потребностями человека, требующего организации своей деятельности в соответствии с пожеланиями других людей. Это приводит к усложнению процесса достижения

предмета потребности, к опосредствованию этого процесса промежуточными звеньями, лишёнными непосредственной побудительной силы, т.е. к дефициту побуждения/торможения к действию. *Субъектом волевой регуляции человек становится в системе личностных отношений, когда он принимает как необходимость ориентировку на других людей* и использует для управления собственным поведением и его регуляции новые средства – личностные смыслы [4, 6, 14, 26].

С этих позиций воля – это внутреннее средство, или “орудие” человека как личности, которое имеет общественно-историческое происхождение и с помощью которого человек может овладеть собственным поведением своими психическими процессами, а в более широкой перспективе – жизнью и судьбой. В общих чертах в рамках культурно-исторического подхода процесс развития воли можно охарактеризовать как развитие человеческой свободы, в ходе которого происходит трансформация внешней социальной необходимости во внутреннюю личностную “осознанную необходимость” [10].

Таким образом, в контексте культурно-исторической и деятельностной парадигм в психологии сложилось представление о *волевой регуляции как одной из форм (или способов) произвольной регуляции, которая состоит в овладении человеком своим поведением и психическими процессами для решения задач, принимаемых личностью как собственные в соответствии со своими ценностно-смысловыми установками*.

Эти задачи возникают в связи с особенностями жизнедеятельности человека в обществе, и их решение требует наличия особых средств произвольного управления поведением и его регуляции, а также собственных психических процессов, осуществление которых часто становится самостоятельной задачей для человека. Поэтому для Л.С. Выготского *воля как “функциональный орган”, подобно всякой высшей психической функции, имеет системное строение, т.е. она функционирует как взаимодействие различных психических процессов, обеспечивающих действие, принятое личностью к исполнению*. А это значит, что существование специфического ресурса волевой регуляции невозможно, так как каждая конкретная жизненная задача требует для своего решения привлечения ресурсов различных психических процессов [7, 8, 10, 14]. Например, представляемые и эмоционально переживаемые последствия планируемого действия могут выступать в качестве дополнительного побуждения к его осуществлению или торможения [35].

Понимание воли как высшей психической функции определяет необходимость использования генетического метода для изучения закономерностей функционирования механизмов волевой регуляции. Наиболее полно принципы генетического анализа были реализованы в исследованиях развития волевой регуляции в онтогенезе [6–8]. Как уже отмечалось, важным постулатом культурно-исторической и деятельностно-смысловой психологии воли является положение о ведущей роли трудовой деятельности в формировании произвольной, а затем и волевой регуляции в филогенезе. Рассмотрение воли как продукта общественно-исторического развития человечества определяет еще одно возможное направление исследования волевой регуляции – изучение закономерностей социогенеза воли.

Традиционно изучением закономерностей социогенеза высших психических функций занимается такая междисциплинарная отрасль знания, как палеопсихология. В настоящее время накоплен опыт изучения социогенеза сознания, речи, мышления и других когнитивных процессов [19, 20, 24]. При этом закономерности социогенеза волевой регуляции остаются практически не исследованными. В связи с этим в своей работе мы попытаемся обозначить основные направления исследования этого процесса и дать ответ на следующие вопросы: какие социокультурные средства произвольной и волевой регуляции возникают в ходе антропогенеза? Какую трансформацию претерпевают эти средства в ходе исторического развития человечества? Какую роль эти средства играют в жизни современного человека?

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДСТВА ПРОИЗВОЛЬНОЙ И ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Для ответа на вопрос о социокультурных средствах и способах произвольной и волевой регуляции действия мы обратились к анализу магических практик первобытного человека. Выбор данного материала был обусловлен рядом соображений. *Во-первых*, магические и религиозные практики широко распространены в первобытном обществе; при этом на самых ранних этапах развития человечества они сами по себе еще не составляют какой-либо самостоятельной деятельности, но сопровождают почти все другие социально значимые виды деятельности (земледелие, коллективная охота и т.п.). *Во-вторых*, известно, что потребность в этих практиках возникает в экстремальных ситуациях, выходящих за пределы повседневной жизни, т.е. в ситуациях, требующих

привлечения дополнительных усилий со стороны общины и каждого её члена (войны, эпидемии и т.п.). *В-третьих*, на более поздних этапах развития человеческого общества в магических практиках воля становится основным средством, с помощью которого жрец или колдун осуществляет свое воздействие на окружающий мир, а в ряде случаев и на самого себя как части этого мира [18, 29]. Все перечисленное выше позволяет нам рассматривать магические и религиозные практики как социокультурные средства произвольной, а затем и волевой регуляции жизнедеятельности первобытной общины¹.

Имитационная магия. Широкое распространение в первобытном обществе получила *имитационная*, или *гомеопатическая магия*, которая представляет собой набор ритуализированных действий, по форме повторяющих и предвещающих различные виды реальной, чаще всего социально значимой деятельности, например войну, охоту, сбор урожая и т.д. Имитационная магия осуществляется с целью повлиять на результат реальной деятельности. В ее основе лежит представление о том, что “подобное производится подобным”. Например, во многих частях света в обществах, находящихся на совершенно разных этапах исторического развития, широко распространен обряд нанесения ритуальных ударов изображению животного или врага. Совершая подобные действия, человек глубоко убежден в том, что его жертва и в реальности получит аналогичные ранения. Эта убежденность основывается на вере самого человека и общества в целом в магию и потусторонние силы, которые она привлекает [18, 29].

Анализ обрядов имитационной магии позволяет высказать предположение, что в первобытном обществе они играют двоякую роль. С одной стороны, они выполняют функции планирования, организации и контроля жизнедеятельности общины и отдельных её членов с помощью знакового опосредствования, что сближает имитационную магию с произвольной регуляцией деятельности. В первобытном обществе обряды имитационной магии тесно связаны с отдельными этапами или операциями единого процесса производства, пред-

¹ Мы понимаем сложный характер анализируемых феноменов, чья роль в жизни общины не исчерпывается какой-то одной функцией. Данные практики неоднократно выступали предметом анализа представителей различных наук и психологических школ, в рамках которых они уже получили разнообразные интерпретации. Однако в нашем исследовании мы ограничимся регуляторной функцией магических и религиозных практик, т.е. их ролью в сопровождении жизнедеятельности общины и её членов.

ставляя собой более или менее подробный план предстоящей деятельности. Например, Б. Малиновским была описана система магических ритуалов, предваряющих каждый этап морской торговли аборигенов Тробрианских островов (*кула*), начиная со строительства новой лодки и заканчивая возвращением домой [21]. Это позволяет рассматривать имитационную магию в качестве средства внешней регуляции совместной деятельности общины. В частности, в большинстве первобытных обществ именно жрец или колдун принимает решение о начале или окончании любой социально значимой деятельности, например о времени посева или сбора урожая [29].

С другой стороны, имитационная магия может выступать в качестве средства, с помощью которого предстоящему реальному действию придается дополнительное побуждение с помощью смыслового опосредствования, что сближает её с волевой регуляцией деятельности. Магический ритуал включает недостаточно сильный мотив планируемого действия в более широкий контекст сверхъестественных представлений, насквозь пронизывающих жизнь первобытного общества и включающих в себя веру человека в магию вообще, в личную магию и в существование потусторонних сил [18]. Благодаря этому реальное действие приобретает дополнительное побуждение, источником которого выступает убежденность человека в его благополучном исходе [14]. Обращаясь к высшим силам с помощью имитационной магии, человек изменяет смысл предстоящего действия, наделяя его тем самым дополнительным побуждением. Вера субъекта в собственные силы и благополучный исход деятельности является одним из решающих факторов волевой регуляции, который определяет вероятность инициации действия, настойчивость в его осуществлении, объем затрачиваемых усилий и его успешность в целом [34, 38, 40]. Наряду с этим участие в обрядах имитационной магии, символическое проживание предстоящего события в реальности или в воображении могут способствовать формированию у их участников эмоционального предвосхищения и прогнозирования результата действия, которое также может выступать в качестве источника дополнительного побуждения к действию [6, 14, 35]. Поскольку обряды имитационной магии чаще всего носят коллективный характер и сопряжены с изменением состояния сознания у его участников, побудительный эффект от эмоционального предвосхищения результата действия может усиливаться в значительной мере благодаря феномену заражения [5].

Таким образом, можно предположить, что на ранних этапах антропогенеза социокультурные средства произвольной и волевой регуляции, в частности обряды имитационной магии, находятся в слитом состоянии. Анализируя трансформации этих средств в истории человеческого общества, можно проследить процесс дифференциации волевой и произвольной регуляции.

В первобытном обществе в качестве основного объекта имитационной магии выступают различные виды совместной деятельности, в которых принимает участие вся община, например, коллективная охота или посевная. Однако уже в первых рабовладельческих государствах магию начинают использовать и в индивидуальной деятельности, например, для устранения врагов. В ходе исторического развития общества меняется не только объект магии, но и ее субъект. Изначально магические обряды носят исключительно коллективный характер, даже в тех случаях, когда они направлены на одного человека (например, при родовспоможении), в них принимает участие вся община. Индивидуальные формы имитационной магии, которые осуществляются одним человеком, возникают на более поздних этапах развития общества. Изначально магическое действие направлено на другого человека, являясь средством социальной регуляции жизни общины, но с развитием общества оно оказывается направленным на самого колдуна, становясь средством психической (произвольной или волевой) саморегуляции. Также претерпевают изменения средства, используемые в магических обрядах. В первобытном обществе магический обряд носит развернутый характер, он подробно воспроизводит основную деятельность, в нем используются реальные орудия труда. Значительное место среди магических обрядов занимают танцы, имитирующие реальную деятельность, например, танец войны или сбора урожая. Еще одним распространенным атрибутом многих магических практик является маска: надевая её, колдун примеряет на себя новую социальную роль. Сама по себе смена ролевой позиции может обеспечивать действие дополнительным побуждением за счет изменения его смысла [14]. Позднее обряды упрощаются и начинают приобретать схематический характер: реальные орудия заменяются ритуальными объектами, действия – словами, заклинательными формулами, которые могут произноситься либо вслух, либо про себя. Изначально вербальная магия является интерпсихическим действием, которое колдун направляет на других людей, но в процессе исторического развития она становится действием интрапсихическим, которое чело-

век направляет на самого себя. Вербальная магия как особая форма речевой деятельности является важным средством психической саморегуляции и овладения человека собственным поведением и психическими процессами. Различные средства вербальной магии (заклинания, молитвы, мантры и т.п.) могут использоваться для изменения смысла действия, усиления концентрации внимания на предстоящем действии и т.д. [14, 37, 39]. Таким образом, вербальная магия становится еще одним социокультурным средством волевой регуляции. На более поздних этапах развития общества значительное место в магической практике начинают занимать воображаемые действия, осуществляемые в плане сознания. Вера в единство материального и духовного миров убеждали колдуна в том, что воображаемое действие способно в реальности оказывать влияние на его собственную деятельность и деятельность других людей. Довольно часто для того, чтобы усилить интенсивность и реалистичность воображаемых образов, а значит, увеличить веру в их эффективность, колдун или шаман прибегал к использованию психоактивных веществ для достижения изменённых состояний сознания. В связи с этим ещё средневековыми богословами был поставлен вопрос о том, насколько ведьма или колдун осознают, что образы полёта и пребывания на шабаше являются продуктом их воображения и употребления психоактивных веществ. Примечательно, что нередко в протоколах допросов Инквизиции содержатся признания подследственных, хорошо понимавших, что пребывание на шабаше является продуктом собственного воображения, но это, как они утверждали, нисколько не снижало эффективности их магии [29].

Таким образом, в процессе развития общества имитационная магия претерпевает ряд существенных трансформаций: от сопровождения совместной деятельности к сопровождению деятельности индивидуальной, от коллективных форм регуляции к индивидуальным, от внешних обрядов и средств к вербальным и воображаемым.

Вероятно, в современном обществе имитационная магия утратила свое прежнее значение. Ее коллективные формы встречаются лишь эпизодически в рамках отдельных субкультур, которые чаще всего обладают антисоциальной направленностью. Однако в сознании современного человека наряду с рациональными представлениями сохраняются иррациональные, лежащие в основе имитационной магии. Исследования показывают, что в критических ситуациях, предъявляющих повышенные требования к волевой регуляции,

многие люди склонны прибегать к иррациональным средствам регуляции деятельности, которые могут быть рассмотрены как генетически более ранние формы воли [16, 33].

Табу. Еще одно широко распространенное в первобытном обществе явление – это *табу*. Данный феномен неоднократно анализировался в рамках различных общественных и гуманитарных наук. Традиционно, например, в психоанализе или культурной антропологии он связывается с развитием института экзогамии [28]. Наряду с этим этнографические данные свидетельствуют о том, что явление табу имеет более широкое распространение в жизни первобытного общества. Так или иначе оно затрагивает любую значимую деятельность общины, например войну, охоту, земледелие и т. п. Очевидно, что роль табу в жизни общины не ограничивается какой-либо одной функцией. Тесная связь с различными видами деятельности позволяет предположить, что на определенном этапе исторического развития общества они играли важную роль в регуляции деятельности человека. Табу – это своего рода система запретов определённых действий, которая в первую очередь регулирует *социально значимую деятельность* (как коллективную, так и индивидуальную). Например, табу регулирует поведение родственников покойника и мужчин, отправившихся на войну; охотника, убившего свою первую дичь; женщины во время менструации или беременности – все они должны соблюдать определённые правила и предосторожности, чтобы не навредить жизнедеятельности общины в целом. В частности, у североамериканских индейцев юноши, добывшие свой первый скальп, должны были провести определённое время в изоляции, чтобы оградить общину от вреда, который ей мог причинить дух убитого врага [29]. Как правило, табу основывается на внешнем сходстве между запрещенными действиями и нежелательным результатом: например, во многих традиционных культурах беременным женщинам запрещается *заплетать* волосы, чтобы пуповина не *заплелась* вокруг шеи нерожденного ребенка [там же].

Дж. Фрезер указывает на принципиальное сходство имитационной магии и табу: и то, и другое убеждает человека в благоприятном исходе запланированного действия. Однако, если имитационная магия носит “позитивный” характер и основывается на формуле “делай то-то, если хочешь получить то-то”, табу носит обратный, “негативный” характер – “не делай того-то, если не хочешь получить то-то”. Например, первобытный воин, отправляясь на войну, заранее уверен в

своей победе, если им, его семейством и всей общиной не были нарушены надлежащие табу [21, 23, 29]. Вместе с магией табу образуют единую систему “магической” регуляции деятельности человека, которая по своей сути является системой *внешней социальной регуляции* деятельности, в качестве субъекта которой выступает вся община. Как и обряды имитационной магии, табу вторично может выступать в качестве источника дополнительного торможения или побуждения, которое, в первую очередь, основывается на вере субъекта в благоприятный исход запланированного действия. К. Леви-Стросс отмечал, что действие табу основывается на безусловной вере человека и общины в неотвратимость наказания за нарушение запрета. Например, человека, съевшего табуированную пищу, община и он сам прижизненно считают умершим. В результате этого наступает социальная смерть личности, а за вслед за ней и физиологическая [18].

В первобытном обществе табу представляет собой систему внешних социальных запретов, подчинение которым носит безусловный обязательный характер и касается всех жителей общины без исключения. Однако в более поздних религиозных системах на смену табу приходит практика постов и обетов, которые основываются на личном добровольном решении человека следовать определенным правилам поведения. Пост – это аскетическая практика, которая предполагает отказ от определенных действий чаще всего ради покаяния и духовного очищения. Обет – добровольное обещание, данное Богу, совершить определенный поступок в качестве благодарности или искупления. Несмотря на очевидные различия, данные практики тесно связаны между собой (например, обет может состоять в соблюдении определенного поста). И пост, и обет предполагают добровольную жертву или самоограничение, отказ от удовлетворения более простых, дефицитарных потребности “здесь и теперь” ради удовлетворения высших социальных потребностей [13].

Какую же роль могут играть пост и обет в регуляции деятельности человека? С одной стороны, соблюдение поста или обета перед каким-либо значимым делом или событием убеждает человека в его благополучном исходе, а значит, изменяет побуждение к действию, так как верующий человек уверен в том, что его жертва будет обязательно принята, а молитвенное обращение – услышано. Символическая жертва, приносимая Богу во время поста или обета, сама по себе придает дополнительный смысл цели действия. С другой стороны, соблюдение аскезы является своего

рода самостоятельной тренировкой волевой регуляции. Л.И. Божович отмечала, что у подростков на определенном этапе развития возникает сходная тенденция к воспитанию собственной воли и характера через самоиспытание [7]. Практика аскезы может тормозить одни действия и потребности и стимулировать другие, что способствует более интенсивному формированию средств волевой регуляции.

В литературе неоднократно указывалось на то, что магия и табу тесно связаны с особенностями коллективных представлений и мышления первобытного человека [17, 18, 22]. Поэтому в современном обществе ни магия, ни система табу не сохранились в том виде, в котором они были распространены в первобытном мире. Однако необходимость в регуляции деятельности (коллективной и индивидуальной) осталась. В случае внешней социальной регуляции функцию, аналогичную функции табу, выполняют неформальные групповые нормы, а в случае с внутренней индивидуальной регуляцией (саморегуляцией) – суеверия. Эти суеверия, или “вера в плохие приметы”, до сих пор играют значительную роль в жизни достаточно большого числа людей. Внешне они имеют сходство с компульсивными действиями при невротической навязчивости и выражаются в более или менее сознательном избегании человеком определенных действий с целью предотвратить неудачу в делах. В отличие от компульсивных расстройств, за такими суевериями всегда стоят определенные коллективные представления, которые на протяжении истории глубоко укоренились в мифологическом сознании человечества. Таким образом, в первобытном обществе табу и имитационная магия вместе образуют систему внешней социальной регуляции деятельности общины, а в современном обществе они сохраняются в форме суеверий, которые принимают участие во внутренней регуляции индивидуальной деятельности человека. Иными словами, можно проследить генетическую связь между первобытными табу и суевериями современного человека [29, 33].

Мантическая практика. Исторически сложилось, что понятие воли тесно связано с проблемой свободы выбора. Вплоть до первой половины XX в. воля рассматривалась как один из основных психологических механизмов выбора [14, 30]. В первобытном обществе основным социальным средством выбора являлись различные *мантические*, или *гадательные практики*. Одним из первых, кто обратил внимание на генетическое единство воли и мантических практик, был Г.В.Ф. Гегель. Разбирая один из эпизодов

“Иллиады”, в котором вожди ахейцев расположились в порту Спарты в ожидании отъезда в Малую Азию, он пишет, что примитивные народы, не обладая еще развитой волей, были вынуждены обращаться за советом и помощью к оракулу [11]. В данном примере мы имеем дело не с выбором как таковым, так как по сути для ахейских племен выбор был уже сделан (решение о начале Троянской войны принято), а с инициализацией действия в условиях недостаточного побуждения к нему. Именно за дополнительным побуждением к действию, уже принятому к исполнению, обращаются греки к оракулу. В данном случае источником дополнительного побуждения является вера человека в неотвратимость судьбы, потому что действие, продиктованное судьбой, обязательно должно исполниться. Когда человек полагает, что его действие предначертано свыше, оно наделяется дополнительным сакральным смыслом. Этот факт был точно подмечен в работах стоиков и блаженного Августина [1, 2]. Так, Сенеке принадлежит известное изречение: “Судьбы ведут того, кто хочет, и тащат того, кто не хочет” [2, с. 509]. Следует также отметить, что обращение за советом к другому человеку или через оракула к божеству само по себе может быть рассмотрено как один из способов изменения смысла действия. Часто, обращаясь за советом, человек ищет подтверждения собственной правоты [14].

Л.С. Выготский также рассматривает проблему выбора в качестве отправной точки в овладении человеком своими мотивационными процессами и формировании волевой регуляции. Анализируя ситуацию буриданова осла, Л.С. Выготский указывает, что человек никогда не оказался бы в подобной ситуации, так как он обладает культурными средствами выбора, например игральными костями [10]. Ранее подобная ситуация в таком же контексте анализировалась В. Виндельбантом, который высказал предположение, что человеческое тело, подобно игральным костям, обладает свойством генератора случайных чисел, необходимым в ситуации выбора из двух или более равноценных альтернатив [9]. Таким образом, согласно Л.С. Выготскому и В. Виндельбанду, игральные кости как генератор случайных чисел является средством произвольной регуляции выбора цели. Но что такое игральные кости сами по себе, как не мантическое средство, утратившее свое первоначальное значение? Любая мантическая практика, будь то гадание на кофейной гуще, на внутренностях жертвенных животных или по полету птиц – это своего рода генераторы случайности, в основе которых, однако, лежит представление, что случайность всегда есть проявление высшей

закономерности – судьбы. Гадание устанавливает связь между двумя несвязанными событиями: результатом гадания и реальным действием, убеждая человека в благоприятном или неблагоприятном исходе дела и тем самым побуждая его действовать определенным образом. Если за всяким реальным действием стоит воля людей, то за результатом гадания, согласно сверхъестественным представлениям, стоит воля Богов или судьба, поэтому, связывая эти две воли воедино, любая мантическая практика наделяет действие дополнительным побуждением.

В ходе исторического развития человечества мантические практики претерпевают определённые изменения.

В первобытном обществе гадания регламентируют, в первую очередь, коллективную или социально значимую деятельность. К ним обращаются для выбора удачного дня для посевов или начала войны. У некоторых народов традиция обращения к прорицателю для определения удачного дня, например для заключения браков, сохраняется и сегодня. Практика обращения к оракулу для персонального прогноза возникает позднее, во времена первых рабовладельческих государств, но и тогда она долгое время остается привилегией людей, наделенных властью, чья судьба оказывается тесно переплетенной с судьбой государства. Следует признать, что в современном обществе мантические практики широко распространены и необычайно популярны: достаточно упомянуть тот факт, что почти в каждом уважающем себя печатном издании есть колонка с гороскопами и советами астролога, но их роль ограничивается регуляцией индивидуальной жизни.

Согласно Дж. Фрезеру, мантические практики в первобытном обществе носят институализированный характер. Человек, выполняющий функции предсказателя, наделен реальной властью и многочисленными привилегиями. Благодаря своему “дару” он имеет право вмешиваться в любые дела общины, почти принудительно контролируя ее жизнедеятельность. Позднее, во времена первых рабовладельческих государств, люди, занимающиеся мантическими практиками, образуют самостоятельные социальные группы, как, например, брамины в Индии. Таким образом, изначально мантическая практика выступает как форма внешней социальной регуляции жизнедеятельности общины и ее членов. Однако в ходе исторического развития общества мантические практики почти полностью утрачивают свое прежнее положение в нем. Современный человек волен сам выбирать, прибегать ли ему к ним или

не прибегать. Хотя на вопрос о пользе или вреде мантических практик до сих пор не получено однозначного ответа, можно утверждать, что они являются частью внутренней саморегуляции деятельности современного человека.

Неоднозначен вопрос о трансформации мантических средств в истории человечества. С одной стороны, прослеживается тенденция к усложнению “теоретических” представлений и практических средств, используемых для предсказаний, которые оформляются в самостоятельные виды практики, такие как астрология или хирология. С другой стороны, напротив, наблюдается упрощение и схематизация мантических средств, используемых обычным человеком в повседневной жизни. Например, первоначально гадание по Книге перемен, одному из древнейших памятников китайской литературы, предполагало ритуальное сожжение костей жертвенных животных (например, панциря черепахи), обработанных специальным образом. Позднее эти средства были заменены более простыми и доступными: листьями тысячелистника или монетами. В современной практике гадания по Книге перемен довольно часто используются наборы готовых палочек с нанесенными на них гексаграммами, которые тянутся как обычный жребий [15]. Сходные тенденции характерны и для других мантических практик. В своей крайней форме эта тенденция проявляется в сиюминутном ситуативном гадании с использованием случайного предмета, например, ромашки, к которой часто прибегают и взрослые, и дети. Подобно тому как в древности перед началом всякого значительного дела человек ожидал благоприятного “знамения небес”, сегодня люди для регуляции собственной деятельности используют различные (как материальные, так и идеальные) средства для изменения силы побуждения к действию. Причём обращение к этим средствам перестает быть принудительным и приобретает произвольный характер. Когда нам предстоит совершить какое-то сложное или неприятное действие, часто, чтобы приступить к нему, мы даем себе обещание, что начнем действовать, как только произойдет какое-либо другое случайным образом выбранное событие, например, стрелки на часах примут определенное положение или наступит определенный день недели.

Таким образом, в первобытном обществе мантические практики представляют собой еще одну систему внешней социальной регуляции жизнедеятельности людей. Устанавливая связь между реальным и сакральным, гадание наделяет действие дополнительной побудительной силой, ко-

торая основывается на вере человека в судьбу, что позволяет нам рассматривать ее как генетическую предпосылку волевой регуляции. В ходе исторического развития общества наблюдается тенденция к трансформации мантических практик от внешней социальной регламентации коллективной деятельности к внутренней саморегуляции деятельности индивидуальной, к упрощению и схематизации средств, используемых для предсказаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами были проанализированы некоторые магические практики с точки зрения их участия в социогенезе волевой регуляции. Учитывая всю сложность и многофункциональность данных феноменов, в своем анализе мы ограничились рассмотрением лишь их регуляторной функции. В результате был выявлен ряд закономерностей, характеризующих процесс развития волевой регуляции в ходе исторического развития человеческого общества.

1. В первобытном обществе совокупность магических и религиозных практик образует систему “магической” регуляции деятельности, которая пронизывает деятельность общины и сопровождает все значимые события в ее жизни. Она придает дополнительное побуждение повседневным действиям, изменяя их смысл для человека; делает обыденные действия сакральными, включая их в систему сверхъестественных представлений, что позволяет нам рассматривать их как социокультурное средство и генетическую предпосылку волевой регуляции.

2. В ходе исторического развития общества социокультурные средства волевой регуляции претерпевают определенные трансформации, подчиняясь общим закономерностям развития высших психических функций: от регламентации социальных отношений и совместной деятельности к регуляции деятельности индивидуальной; от внешней интерпсихической регуляции к регуляции внутренней интрапсихической (саморегуляции); от использования внешних материальных средств регуляции к использованию психических идеальных средств.

3. В современном мире магические практики утратили свою прежнюю роль регуляторов социальной жизни, но продолжают принимать участие в регуляции деятельности отдельных индивидов, в первую очередь, в форме различных иррациональных представлений. Значение этих

феноменов в жизни современного человека трудно определить однозначно. С одной стороны, они участвуют в регуляции деятельности неосознанно и непреднамеренно, с другой – могут быть использованы сознательно как самостоятельное психотехническое средство формирования волевой регуляции. Вероятно, этот вопрос может стать предметом самостоятельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Августин А.* Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. М.: АСТ, 2003.
2. Антология мировой философии в четырёх томах. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969.
3. *Аристотель.* О душе // Сочинения в четырёх томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 369–450.
4. *Асмолов А.Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.
5. *Белик А.А.* Изменённые состояния сознания как междисциплинарная область исследований // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под ред. А.А. Белика. М.: Смысл, 2001. С. 523–545.
6. *Божович Л.И.* Из записных книжек Л.И. Божович: соображения к проблеме развития воли // Проблемы формирования личности. М.: МПСИ; Воронеж: НПО “МОДЭК”, 2001. С. 333–341.
7. *Божович Л.И.* Развитие воли в онтогенезе // Проблемы формирования личности. М.: МПСИ; Воронеж: НПО “МОДЭК”, 2001. С. 302–332.
8. *Быков А.В., Шульга Т.И.* Становление волевой регуляции в онтогенезе. М.: Изд-во УРАО, 1999.
9. *Виндельбанд В.* О свободе воли. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.
10. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 512–755.
11. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977.
12. *Декарт Р.* Страсти души // Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1989. С. 481–572.
13. Закон Божий / Сост. Протоиерей Серафим Слободской. СПб.: Братство Новомученика Архиепископа Илариона Верейского, 2000.
14. *Иванников В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006.
15. И-Цзын. Древняя китайская “Книга Перемен”. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
16. *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределённости: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный Центр, 2005.
17. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1999.
18. *Леви-Стросс К.Л.* Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
19. *Леонтьев А.Н.* Эволюция психики. М.: МПСИ, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1999.
20. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1998.
21. *Малиновский Б.* Избранное: Аргonautы западной части Тихого океана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
22. *Малиновский Б.* Миф в первобытной психологии // Избранное: Динамика культур. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 385–334?
23. *Малиновский Б.* Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии // Избранное: Динамика культур. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 439–862.
24. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.
25. *Симонов П.В.* О филогенетических предпосылках воли // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 84–88.
26. *Смирнова Е.О.* Развитие воли и произвольности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1990. №3. С. 49–57.
27. *Франкл В.* Воля к смыслу: Основы и применение логотерапии // Воля к смыслу. М.: Апрель-Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 213–366.
28. *Фрейд З.* Тотем и табу // Тотем и табу. М.: Олимп; АСТ-ЛТД, 1998. С. 16–183.
29. *Фрезер Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: АСТ, 2003.
30. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003.
31. *Шляпников В.Н.* Исследования волевой регуляции в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 135–144.
32. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. Афоризмы и максимы. Новые афоризмы. Мн.: Современный литератор, 1999.
33. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2001.
34. *Bagozzi R.P.* On neglect of volition in consumer research: A critique and proposal // Psychol. & Marketing. 1993. May/June. V. 10 (3). P. 215–237.
35. *Bagozzi R.P., Baumgartner H., Pieters R.* Goal-directed emotions // Cognit. and Emotion. 1998. V. 12 (1). P. 1–26.
36. *Baumeister R.F.* Ego depletion and self-control failure: An energy model of the self’s executive function // Self and Identity. 2002. V. 1. P. 129–136.

37. *Corno L., Kanfer R.* The role of volition in learning and performance // *Rev. Res. in Educat.* 1993. V. 19. P. 301–341.
38. *Kielhofner G.* Model of Human Occupation: theory and applications. Baltimore, Philadelphia: Lippincott Williams&Wilkins, 2002.
39. *Kuhl J.* Who controls whom when “I control myself”? // *Psychological Inquiry.* 1996. V. 7(1). P. 61–68.
40. *Perugini M., Conner M.* Prediction and understanding behavioral volitions: The interplay between goals and behaviors // *Europ. J. Soc. Psychol.* 2000. V. 30. P. 705–731.
41. *Zhu J.* Intention and volition // *Canad. J. philosophy.* 2004. June. V. 34 (2). P. 175–194.
42. *Zhu J.* Understanding of volition // *Philosophical psychol.* 2004. V. 17 (2). P. 247–273.

VOLITION AS A RESULT OF SOCIAL-HISTORICAL DEVELOPMENT OF HUMANITY

V.A. Ivannikov*, V.N. Shlyapnikov**

** Sc.D., professor, psychological department, MSU after M.V. Lomonosov, Moscow;*

***PhD, associate professor, general and developmental psychology chair, SOU “Academy of Social Management”, Moscow*

The socio-genesis of volitional regulation as a higher mental function was studied. The main goal of the study was the description of social-cultural tools of volitional regulation, regularities of their transformation through the historical development of humanity and their role in the modern human life. Magical and religious practices were considered as social-cultural tools of volitional regulation, which function was action’s meaning transformation and additional motivation. It is shown that transformations of social-cultural tools of volitional regulation follow the general regularities of higher mental function development. In the modern world the social-cultural tools of volitional regulation preserve their functions, but their role is constricted to the regulation of separate individual activity.

Key words: volitional regulation, higher mental functions, socio-genesis, homeopathic magic, taboo, mantic practices.